

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С. А. Толкачев¹

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Москва, Россия)

УДК: 330.836, 330.88, 330.342.44

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-5

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ²

В статье поставлена проблема обобщения критических оценок современной экономики в ракурсе онтологических, гносеологических, методологических и идеологических компонентов парадигмы экономической теории. Показаны кризисные проявления всех четырех компонентов на современном этапе мирохозяйственного развития. Методологической базой исследования являются современные западные концепты новой парадигмы экономической теории, такие как многоуровневая парадигма и «встроенная» экономика, а также оригинальная авторская концепция циклической модификации господствующей парадигмы в зависимости от циклической смены фаз долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития. Показано, что фаза локомотивной роли производственных технологий и фаза протекционизма способствуют окончательной дискредитации предшествующей экономической ортодоксии и расчищают дорогу новой парадигме экономической теории. Фаза локомотивной роли транспортных технологий и фаза фритредерства обеспечивают «золотой век» для господствующей ортодоксии, которая приписывает себе результаты экономического роста и подъема благосостояния, достигнутые в рамках данных фаз за счет максимизации эффекта масштаба. Фаза информационных технологий и сопутствующая фаза глобализма вскрывают существенные парадигмальные недостатки господствующей ортодоксии, которые тем не менее временно микшируются за счет инкорпорирования идей онтологически близких, но гносеологически отличающихся экономических школ. Результаты исследования констатируют, что завершение цикла долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития, состоящего из трех указанных фаз, подготавливает переход к новой парадигме и новой господствующей ортодоксии экономической теории. Обоснована важная роль идеологической (апологетической) компоненты в эволюции парадигмы на каждой фазе в виде смены господствующих политико-экономических групп, выступающих заказчиками соответствующих теорий. В выводах высказывается предположение, что новая промышленная революция и новый мирохозяйственный

¹ Толкачев Сергей Александрович — д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; e-mail: tsa2000@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3766-2246.

² Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

© Толкачев Сергей Александрович, 2025

уклад выдвигают новый элитный слой — «индустриальные цифровики», — заинтересованный в радикальном изменении парадигмы экономической теории.

Ключевые слова: ортодоксия, гетеродоксия, парадигма, онтология, гносеология, методология, экономикс, неолиберализм, политическая экономия, мирохозяйственный уклад, технологический уклад.

Цитировать статью: Толкачев, С. А. (2025). Мирохозяйственные закономерности эволюции парадигмы экономической теории. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 86–107. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-5>.

S. A. Tolkachev

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

JEL: B10, B13, B59

WORLD ECONOMIC MODE OF THE ECONOMIC THEORY PARADIGM EVOLUTION³

The article raises the problem of generalizing critical assessments of modern economics in the context of ontological, epistemological, methodological and ideological components of the paradigm of economic theory. The paper shows crisis manifestations of all four components at the current stage of world economic development. The methodological basis of the study are modern Western concepts of a new paradigm of economic theory, such as the multi-level paradigm and the “embedded” economy, as well as the original author’s concept of cyclical modification of the dominant paradigm depending on the cyclical change of phases of long-term technological and world economic development. The author shows that the locomotive role of production technologies and protectionism contribute to the final discrediting of previous economic orthodoxy and clear the way for a new paradigm of economic theory. The phase of the locomotive role of transport technologies and the phase of free trade provide a “golden age” for the dominant orthodoxy, which attributes to itself the results of economic growth and welfare gains achieved within these phases by maximizing the scale effect. The phase of information technologies and the accompanying phase of globalism reveal significant paradigmatic shortcomings of the dominant orthodoxy, which, however, are temporarily mixed by incorporating the ideas of ontologically close, but epistemologically different economic schools. The author argues that the completion of the cycle of long-term technological and world economic development, consisting of the three specified phases, prepares the transition to a new paradigm and a new dominant orthodoxy of economic theory. The important role of the ideological (apologetic) component in the evolution of the paradigm at each phase is substantiated in the form of a change in the dominant political and economic groups that act as customers of the corresponding theories. The findings suggest that the new industrial

³ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Finuniversity.

revolution and the new world economic order are giving rise to a new elite layer — “industrial digitalists” — interested in a radical change in the paradigm of economic theory.

Keywords: orthodoxy, heterodoxy, epistemology, neoliberalism, political economy, world economic mode, technological mode.

To cite this document: Tolkachev, S. A. (2025). World economic mode of the economic theory paradigm evolution. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 86–107. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-5>

Введение

Вопрос о кризисе научной парадигмы существующей ортодоксальной версии экономической теории — неоклассической экономики — давно уже сам по себе стал настоящей «классикой». Процесс этот длится уже по меньшей мере полстолетия, с кризисных для Запада 1970-х гг. Количество публикаций, посвященных этой теме, заслуживает периодизации и структуризации в рамках специальных библиографических исследований. Некоторые подобные попытки выделяют новые явления (т.е., новую фазу) в уже давно существующем третьем этапе кризиса экономики (Худокормов, 2021). В России еще в 1990-х гг. в разгар увлечения неоклассикой стали раздаваться голоса о необходимости отказа от нее (Бузгалин, Колганов, 1998). В том же году вышла знаковая статья академика В. М. Полтеровича, послужившая общепризнанной точкой отсчета данной проблемы (Полтерович, 1998).

Позднее проблемы поиска новой парадигмы охватили гораздо более широкий круг отечественных экономистов (Николаева, 2019; Нусратуллин, 2014; Колпаков, 2008; Бирюков; 2024). Признание кризиса парадигмы экономики и необходимость поиска новых методологических оснований экономической теории уже давно можно услышать из уст российских глуповиков знатоков истории экономических учений (Ананьин, 2009).

Целью нашего исследования является анализ проявлений кризиса всех компонентов парадигмы экономической теории и обоснование концепции циклического развертывания данного кризиса, сопряженного с циклическостью долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития.

«Технологическая» линия кризиса парадигмы экономической теории

В настоящее время на фоне развертывания эпохальных мирохозяйственных перемен вопрос о смене парадигмы экономической теории приобретает конкретное онтологическое обоснование. Растущая популярность стадийных подходов в исследовании экономического развития, получившая мощный импульс после всплеска общественного интереса

к Четвертой промышленной революции К. Шваба (Шваб, 2016), актуализировало исследования, посвященные влиянию этапов долгосрочного технологического развития на парадигмальное наполнение экономической теории. Хотя отечественные экономисты всегда проявляли интерес к данной методологической линии и в этом плане выделяются работы А. А. Мальцева. Он одним из первых обратил внимание на связь вектора развития ортодоксии с технологическими изменениями во время «инновационной паузы» (Мальцев, 2011) и предложил «техницистскую» гипотезу развития экономической мысли, которая соединяет знаковые изменения в технологиях широкого применения, структурные кризисы экономики и ключевые изменения в ортодоксальной экономической теории (Мальцев, 2016). В другой работе, задействовав концепции «технологий широкого применения» и «инновационной паузы», А. А. Мальцев сформулировал вывод о существовании определенной параллели между процессами замещения технологических парадигм, хозяйственными кризисами и сдвигами в экономических учениях (Татаркин, Мальцев, 2016). Вопрос о влиянии экономических кризисов на смену парадигмы экономической теории рассматривался в работах и других авторов (Мельников, 2012).

Хорошо известна позиция академика РАН С. Ю. Глазьева, который на основе своей теории технологических укладов (ТУ), принадлежащей к более широкому направлению теорий долгосрочного технико-экономического развития и дополненной теорией мирохозяйственных укладов (МХУ) (Глазьев, 2016а), предлагает новую парадигму экономической теории, где объектом изучения являются не процессы достижения равновесия на микро- и макроуровнях, а процесса нелинейного и неравновесного инновационного развития (Глазьев, 2016б). Не лишним будет напомнить, что данная методологическая линия напрямую увязана с оригинальной концепцией технико-экономических парадигм Карлотты Перес (Perez, 2010), которые она рассматривает не просто как смену набора технологий, а полномасштабные изменения культурного и институционального порядка. Эти парадигмы включают «общее знание» (common sense), которое влияет на повседневную практику бизнеса, государственную политику и поведение потребителей. Но в то же время К. Перес не углубляется в вопросы собственно новой парадигмы, идущей на смену неоклассике.

Новейший этап, получивший название «цифровизация», дает новый импульс попыткам понимания взаимосвязи воздействия технологических изменений на парадигму экономической теории. Исследования влияния процессов цифровизации на экономическую теорию фиксируют серьезный разрыв в экономических взглядах между экономистами-теоретиками и активными участниками цифровой революции (Сухих, 2025).

Последние исследования в области смены парадигмы экономической теории на Западе, наряду с продолжением «вечной» темы критики базовых постулатов мейнстрима, пытаются сформулировать целостные методоло-

гические и онтологические образы того, что должна прийти на смену неоклассике. Например, в недавней статье Уилсона и Сновера (Wilson, Snower, 2024) в качестве альтернативы неоклассике предлагается так называемая «мультиуровневая» парадигма (multilevel paradigm), основанная на обобщенной дарвинистской теории. Авторы предлагают использовать эволюционную теорию как основу для создания интегративной модели экономики. Основой служит обобщенный дарвинизм (generalized Darwinism), включающий процессы вариации, отбора и репликации не только в биологии, но и в культуре, институтах, экономике. Данный интересный подход находится в русле таких современных популярных методологических линий, как сочетание конкуренции и кооперации, представление об экономике как встроенной (embedded economy) в более широкие политические, экологические и культурные системы. Следовательно, анализ экономических явлений невозможен без учета их многослойной природы. Это требует отказа от атомистических моделей и перехода к системным, эволюционно обоснованным моделям.

Уилсон и Сновер применяют методологию «встроенности» и для обоснования тезиса о культурной эволюции как ключевого механизма развития. Культурная эволюция как синтетический социальный процесс способствует передаче накопленного опыта через поколения. Этот процесс быстрее генетической эволюции и требует своей методологии. Формирующиеся экономические институты и поведение людей являются результатами культурного отбора, а не только рационального выбора индивидуумов, помещенных неоклассикой вне социальных рамок.

Концепция «встроенной» экономики превращается в общую методологическую линию экономистов, озабоченных поиском более эффективных путей устойчивого развития и понимающих, что существующая неоклассическая ортодоксия не создает теоретического базиса для реализации этой задачи. При этом популярными для формирования новой парадигмы становятся идеи экологических ограничений и признания невозможности достижения устойчивого развития в рамках рыночной парадигмы самоорганизации.

Концепцию встроенной экономики или «экономики пончика» давно разрабатывает Кэйт Рэйворт. Автор впервые огласила ее в статье 2012 г. (Raworth, 2012), затем превратила в развернутую монографию (Raworth, 2017), заслужившую звание лучшей книги года от Financial Times, и получила возможность ее презентации на страницах журнала Международного валютного фонда (Raworth, 2024).

Автор предлагает радикально новый взгляд на экономическую науку, критикуя традиционные представления о необходимости бесконечного экономического роста и о роли человека как рационального максимизатора выгоды. Автор утверждает, что нынешняя экономическая система устарела и уже не способна решать глобальные вызовы, такие как из-

менение климата, социальное неравенство и нестабильность финансовых рынков. Рэйворт предлагает переосмыслить традиционные экономические модели, заменив устаревшую цель бесконечного роста ВВП на концепцию «экономики пончика». Этот подход ориентируется на достижение социального благополучия в пределах экологических границ планеты, подчеркивая необходимость изменения экономических ориентиров для устойчивого развития.

Экономика пончика представляет собой схему с двумя границами. Внутренний круг — это «социальный фундамент», включающий основные человеческие потребности: питание, здравоохранение, образование, жилье, экономическую стабильность и политические права. Если эти базовые условия не соблюдены, люди оказываются в «дырке пончика», сталкиваясь с бедностью и социальными кризисами. Внешний круг — «экологический потолок», за пределами которого начинается разрушение окружающей среды: изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение воздуха и воды, истощение природных ресурсов. Между этими двумя границами находится зона процветания, в которой человечество может устойчиво развиваться.

Модель пончика с жесткими верхними экологическими границами означает переход к регенеративной модели экономики. В традиционной экономике преобладает линейная модель «добыть — произвести — использовать — выбросить», что приводит к накоплению отходов и истощению ресурсов. Рэйворт призывает перейти к рециклической, регенеративной модели, где отходы становятся ресурсами, а продукция проектируется для повторного использования. В этом смысле модель получила второе название «встроенной» экономики, поскольку производственные процессы не должны разрушать биофизические контуры Земли.

Кэйт Скин (Skene, 2022) также предлагает похожий вариант «встроенной» экономики. Скин считает, что современная экономика, будучи построенной на принципах бесконечного роста и рыночного саморегулирования, не учитывает критические ограничения, накладываемые окружающей средой и социальными факторами. В результате сложилась ситуация, при которой экономика, вместо того чтобы обеспечивать устойчивое развитие, способствует разрушению экосистем, истощению природных ресурсов и усилению социального неравенства.

Скин предлагает концепцию встроенной экономики (*embedded eсоonomy*), в которой экономические процессы рассматриваются как часть сложной системы, состоящей из экологических, социальных и технологических факторов. Автор утверждает, что применение системного мышления позволяет выявить ключевые ошибки традиционной экономической теории, такие как убеждение в бесконечности ресурсов, слепая вера в рыночные механизмы и игнорирование негативных последствий экономического роста.

Очень важным для экономической теории является тезис автора о том, что традиционные рыночные механизмы не работают для устойчивого развития. Неолиберальная экономическая теория утверждает, что свободный рынок способен автоматически решать экологические проблемы с помощью механизма ценообразования. Однако на практике это не работает. Автор приводит примеры того, как рыночные инструменты, такие как налоги на выбросы, торговля углеродными квотами и субсидии на «зеленые» технологии, не приводят к реальному сокращению негативного воздействия на окружающую среду.

Кроме того, автор критикует надежду на технологические инновации, которые, по мнению сторонников «зеленого капитализма», должны решить экологические проблемы. В реальности технологические решения часто создают новые риски: производство «экологически чистых» электромобилей требует добычи редкоземельных металлов, что наносит серьезный вред окружающей среде, а переход на возобновляемые источники энергии сопровождается высокими экологическими затратами на производство солнечных панелей и ветряных турбин.

Таким образом, происходящие в последние годы глобальные технологические изменения подтолкнули экономистов-теоретиков к концептуализации новых подходов к роли и задачам экономической теории. Однако полноценное изменение парадигмы науки возможно лишь в результате осознанной и реализованной смены всех ее компонентов.

Компоненты парадигмы экономической теории

Любая фундаментальная экономическая теория помимо онтологических, методологических и гносеологических компонентов неизбежно содержит идеологический компонент. Вместе они формируют ту или иную парадигму науки. Новая экономическая теория, о необходимости которой сегодня все чаще говорят еще недавно верные рыцари господствующей неоклассической ортодоксии (Deaton, 2016), должна отражать изменившиеся онтологические основы общества, повлиявшие на сдвиг методологических, гносеологических и даже идеологических позиций исследователя, допуская опережающее обратное воздействие последних на первые.

Онтология как раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, применительно к объекту экономической теории описывает основные изменения в производительных силах, т.е. в технологиях, способах организации процессов производства и доведения продуктов/услуг до потребителя. Последние получили название организационно-производственных отношений, поскольку изучают новые формы взаимодействия работника и средств производства.

Методология как система осознанных принципов и способов организации и построения теоретической деятельности включает набор мето-

дов и приемов исследований, отобранных на основе устоявшихся философских подходов, ценностных ориентиров, базирующихся на глубоких культурных и даже религиозных основаниях.

Гносеология изучает взаимоотношение субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности, отношение знания к действительности, возможности познания мира человеком, критерии истинности и достоверности знания, дает характеристики социально-экономических процессов с точки зрения ключевых параметров их познаваемости и возможностей достоверного описания.

Идеология как система концептуально оформленных идей, отражающих мировоззрение, интересы и идеалы различных социальных субстратов — классов, социальных и профессиональных групп, и пр. — выполняет роль убеждения широких социальных слоев в необходимости следовать общественным переменам, выявленным благодаря онтологическим и гносеологическим исследованиям. Идеология отвечает за общественную поддержку необходимых перемен, осуществляемых управленческим центром, и является важнейшим компонентом убеждения не только академических кругов, но и широких народных масс в содержательной целостности транслируемых из управленческого центра ценностных концептов, определяющих экономическую политику.

Кризис неоклассической парадигмы носит столь яркий характер именно потому, что охватывает все данные четыре компоненты. Мы уже обосновали так называемые «онтологические ножницы» мейнстрима как неспособность неоклассической догматики дать адекватное описание реальных экономических процессов, а именно: 1) внеисторический универсализм, игнорирующий закономерности стадияльного мирохозяйственного развития; 2) неспособность выработать новый онтологический подход к фундаментальной проблеме власти в экономике; 3) отсутствие потенциала качественных обобщений процессов, порождаемых новой промышленной революцией (Толкачев, 2025).

Гносеологические и методологические компоненты кризиса экономики были многократно описаны в бесчисленном количестве публикаций такого рода, отчасти уже упомянутых выше. Отметим лишь влияние позитивистских принципов в экономической науке на рубеже XIX и XX вв., приведшее к формированию образа псевдонаучного теоретического знания, построенного якобы на заимствовании самых «научных» математических и физических способов познания. По мнению Х. Хэнэппи (Hanappi, 2024) из Венского института политико-экономических исследований, экономическая теория, начиная с маржинализма, пошла по пути «физикализации». Данный тезис был в свое время изложен в обстоятельной статье Ф. Майровски (Mirowski, 1984). Вальрас, Джевонс, Менгер проложили путь от политической экономики к формализованной математизированной науке, построенной на аналогиях с физикой. Индивид, редуцированный до homo

economicus, стал исходной единицей, а экономика — системой оптимизации с дефицитными ресурсами. Через заимствование уравнений из ньютоновской механики экономика построила образ саморегулирующегося рынка, отрезанного от власти, идеологии, классов и истории. Это стало способом вытеснить марксизм и подменить динамическое представление о классовой борьбе статической математической гармонией. В итоге экономическая теория, по мнению Хэнэппи, превратилась в утопию буржуазного самооправдания, прикрытую уравнениями.

Российский ученый Е. В. Балацкий, продолжая критику физикализации, обосновывает так называемый *парадокс научности* экономической теории, «согласно которому удовлетворение всем строгим критериям научности не позволяет нынешнему экономическому знанию дать эффективный ответ на вызовы современности» (Балацкий, 2022, с. 1). Автор показывает, как экономика — лидер всех общественных наук, продвинувшись дальше всех по пути математизации и физикализации, парадоксальным образом потеряла связь с реальностью и заодно весь свой академический престиж. «...экономическая наука опять продемонстрировала масштабные ошибки и просчеты, а также еще более возросшую за последние 30 лет пропасть между экономической теорией и реальной жизнью. Эта пропасть принимает форму противоречия между колоссальной инструментальной сложностью и изощренностью теоретических конструкций экономики и удивительной примитивностью, а порой, и откровенной нелепостью, ее практических рекомендаций» (Балацкий, 2022, с. 18).

Дополнительное оригинальное выявление гносеологических недостатков экономикс осуществил Е. В. Балацкий, сформулировав «инверсию познавательной парадигмы в экономической теории», когда «происходит переход от аддитивного принципа к субтрактивному». Он пишет: «Указанная инверсия познавательной парадигмы является вполне естественным процессом, когда накапливается не просто слишком много информации и специальных знаний, но они еще имеют и большой процент брака, когда в арсенале науки оказывается множество теорий, моделей, концепций и исследований, не имеющих никакого шанса быть использованным ни на практике, ни в дальнейших теоретических изысканиях. Со временем процент брака растет, ибо наука замыкается сама на себя, не предполагая широкого применения в иных сферах. Судя по всему, этот процесс в той или иной степени характерен для всех наук без исключения, однако в economics сегодня эта тенденция обозначилась особенно ярко» (Балацкий, 2025, с. 13).

Е. Балацкий считает, что «в основе инверсии познавательной парадигмы лежат три взаимосвязанных процесса: во-первых, предлагаемые теории и модели становятся все более сложными и головоломными, во-вторых, их становится неимоверно много, в-третьих, они имеют все меньше

связей с реальностью, будучи чрезмерно абстрактными и искусственными» (Балацкий, 2022, с. 13).

Практическая не востребованность экономикс подтверждается непрерывно и не только теми управляющими социальными слоями, которые формулируют запрос на результаты науки в виде рекомендаций, но и самим академическим сообществом экономистов-теоретиков. Самые официозные и достопочтенные представители мэйнстрима в ходе последней январской 2025 г. ежегодной конференции Американской экономической ассоциации, наиболее представительной общественной организации экономистов-теоретиков, обсуждали вопросы, касающиеся тотального провала их рекомендаций, основанных на неоклассических рецептах, и сопутствующего падения престижа экономической науки. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс», написавший обзорную статью об этой конференции, печально замечает: «...их знаменитая уверенность — критики сказали бы высокомерие — была, если не разбита вдребезги, то, безусловно, получила сокрушительный удар. В чем был смысл их тщательного сбора данных, их сложных моделей, их замысловатых теорий, если никто все равно не собирался слушать их советы?» (Casselman, 2025). И на официальных заседаниях, и в ходе неформальных бесед лидеры экономикс постоянно обсуждали один и тот же набор вопросов: почему так много политических лидеров и так много представителей общественности отвергли так много центральных принципов нашей теории?

Орен Касс, главный экономист American Compass, консервативного экономического аналитического центра, один из немногих экономистов, не разделяющий базовые неоклассические догмы, присутствовал на той конференции и подчеркивал фундаментальные провалы экономикс в экономической политике, являющиеся результатом следования основополагающему «символу веры» экономикс — теории сравнительных преимуществ в издержках Д. Рикардо. Касс отмечает, что благодаря слепой вере в эту догму США, имевшие постоянный профицит в торговле передовыми технологическими продуктами до вступления Китая в ВТО в 2001 г., уже в 2002 г. превратили профицит в дефицит, который в 2023 г. превысил 200 млрд долл. При этом Соединенные Штаты импортировали более 3 долл. передовых технологичных продуктов на каждые 2 долл. экспорта (Cass, 2024).

При этом Касс саркастически замечает, что экономисты-неолибералы продолжают полагаться на принципы свободной торговли при оценке последствий экономической политики Д. Трампа. «Приверженные своей дискредитированной исследовательской платформе, экономисты продолжают полагаться на модели, построенные с ее помощью. Например, Институт Петерсона использует модель, известную как G-Cubed, чтобы предсказать, что США пострадают от более высоких цен, более низких доходов и сокращения производства, если они отменят постоянные нор-

мальные торговые отношения, предоставленные Китаю в 2000 г. Экономисты используют эту модель с 1990-х гг. для проведения исследований, гарантирующих, что свободная торговля всегда будет работать хорошо для всех сторон» (Cass, 2024)⁴.

Как бы оправдываясь за провалы прогностического аппарата экономикс, профессор Гарварда Дэни Родрик объясняет их следующим образом: «...экономическая дисциплина — это, скорее, способ мышления, а не набор стратегических рекомендаций. Инструменты современной экономической науки позволяют сделать крайне мало обобщений, на основе которых можно предложить неотложные рекомендации в области экономической политики» (Rodrik, 2024, p. 10).

Джеймс Кеннет Гэлбрейт, известный сын своего легендарного отца Джона К. Гэлбрейта, также озабочен нарастающим практическим и прогностическим бесплодием мэйнстрима. Он критикует неоклассическую экономику, которая возникла как реакция на радикальные изменения в политическом и экономическом ландшафте XIX в. Он утверждает, что неоклассика, с ее акцентом на идею свободных рынков, «невидимую руку» и саморегулирующийся рынок, не может объяснить реальные экономические явления, такие как финансовые кризисы (Galbraith, 2021).

Итак, совокупность онтологических, методологических и гносеологических установок исследователей формируют ту или иную парадигму экономической теории. Разумеется, существует непосредственная связь парадигмы и основных функций экономической теории, что мы отразили в табл. 1.

Таблица 1

Компоненты парадигмы и функции экономической теории

Компоненты парадигмы экономической теории	Функции экономической теории	
Онтология	Объяснительная мировоззренческая	Практическая, прогностическая, политическая
Гносеология	Познавательная	
Методология	Методологическая критическая	
Идеология	Идеологическая или апологетическая	

Источник: составлено автором.

Отметим, что основные компоненты любой экономической парадигмы помимо своих специфических функций, представленных в центральном

⁴ URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/23/opinion/what-economists-could-learn-from-george-costanza.html>

столбце табл. 1, коллективно отвечают за практическую и прогностическую и политическую функции науки. Последняя наиболее тесно связана с идеологической (апологетической) компонентой, поскольку отвечает за обоснование конкретных элементов экономической политики, которые должны создавать для публики впечатление следования определенным ценностям и принципам, присущим политическим партиям, призванным выражать интересы социальных групп. При этом идеология, методология и отчасти гносеология являются более гибкими и подвижными элементами парадигмы, представляя «защитную оболочку», тогда как основная часть гносеологии и онтология формируют известное по Т. Куну «жесткое ядро» науки.

Соответственно, распад и замена парадигмы происходят, начиная с наиболее гибкого уровня (идеология) и постепенно доходят до «жесткого ядра» онтологии. Способность идеологической компоненты приспосабливаться к меняющимся политическим установкам настолько велика, что даже полная замена ее содержания может не поколебать целостность господствующей парадигмы.

В этом плане А. Хайзе резонно отмечает, что несмотря на появление новых политик и институтов, происходящие изменения не соответствуют критериям парадигмального сдвига в смысле Куна или Лакатоса (Heise, 2024). Он предлагает отличать научные и политические парадигмы. Первая связана с онтологическими и эпистемологическими основаниями теории, вторая — с целями и инструментами экономической политики. Сдвиг в политике не обязательно сопровождается сменой научной парадигмы.

Действительно, «кейнсианскую революцию» 1930-х гг. и неolibеральную «контрреволюцию» 1970-х гг. никак нельзя назвать парадигмальными сдвигами экономической теории. На деле они представляли собой изменения в пределах одной и той же неоклассической парадигмы — переходы между ее внутренними вариантами. Даже грандиозный крах политической доктрины Вашингтонского консенсуса и поиск его концептуальной альтернативы в виде, например, продуктивизма Д. Родрика (Толкачев, 2024а) не является чем-то большим, чем очередной попыткой модернизировать мейнстрим на несколько измененной идеологической и методологической платформе.

Хейсе совершенно справедливо считает, что ключевая проблема смены парадигм — отсутствие философской глубины и онтологического переосмысления в экономике. Без новой философии невозможно преодолеть границы неоклассики. Только гетеродоксальные школы, основанные на отличных онтологиях (например, посткейнсианство Х. Мински, критическая макрофинансовая теория), способны предложить настоящую альтернативу.

Безусловно разделяя этот тезис, мы считаем, что переход к настоящей новой парадигме возможен только при условии одновременной смены всех

вышеуказанных ее четырех компонентов, что возможно только в случае смены господствующего мирохозяйственного уклада (МХУ). По крайней мере, недолгая история одновременного сосуществования экономических парадигм и циклов накопления капитала по Арриги (Арриги, 2006) или МХУ иллюстрирует справедливость данного тезиса, чему была посвящена наша предыдущая статья (Толкачев, 2024b).

Поддержку нашей позиции мы находим в статье А. Реати (Reati, 2011), где автор на примере неудачной судьбы посткейнсианства доказывает, что доминирование парадигмы в экономике зависит не только от ее логической и методологической силы, но также от институциональных, социальных и властных отношений в академическом и политическом поле. Реати строит свой анализ, комментируя работу Л. Пазинетти (Pasinetti, 2007) который ранее показал, что даже если теоретическая структура парадигмы безупречна, этого недостаточно. Теоретическая сила — необходимое, но не достаточное условие для того, чтобы парадигма стала доминирующей. Завершающий вывод эссе Реати весьма показателен для подтверждения как идеологической функции экономической теории, так и «комплекса» условий для смены парадигмы: «...наша задача состоит в том, чтобы углубить нашу работу в соответствии с принципами, указанными в книге Пазинетти, чтобы поддержать социальные движения твердым аналитическим и политическим фоном, который будет использоваться, когда благодаря социальной борьбе баланс сил снова сместится в сторону рабочего класса» (Reati, 2011, p. 372).

Отметим, что мощное европейское левое течение длительное время существовало в политической парадигме классовой борьбы, оставаясь в рамках «западноцентричного» мировоззрения, недооценивая как возрастающие азиатские центры экономической силы, так и обострение геоэкономической конкуренции между США и ЕС. События последних лет выдвинули именно последние мирохозяйственные факторы на роль драйверов парадигмальной эволюции экономической теории. Как мы отметили выше, полнейшее концептуальное банкротство Вашингтонского консенсуса послужило причиной обсуждения смены, по крайней мере, идеологической и методологической компонент неоклассической парадигмы. Но полная смена парадигмы возможна только когда общество осознает завершенность перехода к новому мирохозяйственному укладу, который естественным образом сформировал запрос на все четыре компонента новой парадигмы.

Фактически такое событие произошло в ходе становления, точнее, возвращения, политической экономии в СССР в 1930–1950-х гг. Тогда была принята в качестве основополагающей марксистская парадигма политэкономии капитализма, все четыре компонента которой радикально отличались от экономикс и А. Маршалла, и П. Самуэльсона. Не случайно возврат политэкономии в вузовские программы и ее научная реабилита-

ция в СССР состоялись после знаковых событий 1927–1929 гг., когда политическое руководство выбрало стратегический курс на создание независимого от Запада хозяйственного комплекса (суверенную экономику, как стало модно говорить в последнее время), который после создания мировой системы социализма по завершении Второй мировой войны окончательно сформировал альтернативный мирохозяйственный уклад. Оставляем вне рамок данной статьи вопрос о попытках на основе марксистской парадигмы построить экономическую теорию социализма.

Циклические факторы эволюции парадигмы

Важнейший вопрос, возникающий сегодня в связи с крахом глобализма и американско-центричного мироустройства (американского МХУ), состоит в том, насколько возможен переход к новой парадигме экономической теории вместо обанкротившейся экономикс. Попробуем обосновать наш ответ, развивая концепцию синхронизации эволюции экономической ортодоксии с фазами долгосрочного технологического и мирохозяйственного развития. Эта концепция изложена нами ранее (Толкачев, 2024b), развивая ее, приведем фрагмент таблицы из данной статьи с дополнительными пояснениями.

Американское мирохозяйственное господство начинает отчетливо зреть в начале XX в. благодаря опережающему освоению достижений Второй промышленной революции (ПР) или производственных технологий третьего ТУ. Этот переходный период от уходящего английского к американскому МХУ сопровождается кризисными процессами в экономической ортодоксии. Совсем недавно сформировавшееся благодаря А. Маршаллу неоклассическое направление испытывает кризис и ожесточенную конкуренцию со стороны как «внутренних диссидентов» (Дж. Робинсон и многие другие кембриджские левые), так и, разумеется, альтернативных школ. Великая депрессия 1929–1933 гг. и последующая «кейнсианская революция» окончательно закрывают вопрос о претензиях неоклассики в обрамлении Л. Роббинса на роль ортодоксии. Предпоследняя колонка таблицы отражает те ключевые господствующие социальные слои, которые предъявляют запрос на парадигму экономической теории, прежде всего, на ее апологетический компонент и на практическо-прогностические функции. В данный период в качестве таковых в США выступают две противоречивые группы — традиционный банковский капитал, консолидированный в ФРС с 1914 г., и нарождающаяся рузвельтовская государственная бюрократия с мечтами о построении «нового» общества, способного преодолеть кризисы начала XX в. Первая группа полагалась на неоклассические тезисы о саморегулировании рынка, тогда как вторая (к которой принадлежал молодой и ищущий новые идеи Дж. К. Гэлбрейт, устроившийся на работу в рузвельтовский Комитет по ценам (Гэлбрейт, 1986)) пыталась найти новые парадигмальные основания науки.

**Цикличность развития технологических и мирохозяйственных факторов
и их воздействие на экономическую ортодоксию⁵**

ПР ⁵ и ТУ	Период	Лидирующий сектор экономики	Мирохозяйственный режим	Господствующая экономическая теория	Господствующий слой — заказчик ЭТ	МХУ
II — 3	1910—1930-е гг.	Средства производства	Протекционизм	Кризис маршаллизма и валърасианства, поиск альтернатив	Банковский капитал + госбюрократия	Американский
II — 4	1940—1970-е гг.	Средства транспорта	Фритредерство	Золотой век неоклассического синтеза П. Самуэльсон, 1948 г.	Государственно-монополистический индустриальный капитал	
II — 5	1980—2010-е гг.	Средства коммуникации	Глобализм Империализм	Модернизация неоклассического синтеза: неоконсерватизм + неонституционализм	«Неиндустриальные» цифровики и офшорные банкиры	
III — 6	2010—2040-е гг. (?)	Средства производства	Протекционизм	Кризис ортодоксии, неомеркантилизм	Индустриальные цифровики	Азиатский Многополярный
III — 7	2050 г.	Средства транспорта	Фритредерство	Утверждение новой парадигмы и ортодоксии		

Источник: составлено автором.

⁵ В отличие от Шваба мы считаем, что с 1960-х гг. разворачивается Третья промышленная революция (ПР), вступившая с 2010-х гг. в стадию цифровизации производства.

Американский триумф Дж. М. Кейнса и быстрое формирование альтернативного английскому американского «Кембриджа» логически завершаются появлением в 1948 г. учебника П. Самуэльсона, и данный вариант неоклассики с более точным названием неоклассический синтез надевает корону господствующей ортодоксии. Отметим, что данный этап соответствует «транспортной» фазе технологического развития и фритредерской фазе мирохозяйственного развития после Бреттон-Вудса 1944 г. Именно на данных фазах за счет растущего мирового эффекта масштаба, способствующего росту доходов и благосостояния всех слоев населения, господствующая ортодоксия достигает своего парадигмального пика по всем четырем компонентам. Причем результаты данного самого благоприятного этапа МХУ ортодоксия пусть даже неосознанно приписывает себе и общество все более проникается уважением к экономистам-теоретикам. Эта вершина американского мирохозяйственного развития олицетворяет этап расцвета государственно-монополистического капитализма, глубоко исследованного в многочисленных трудах советских экономистов. Неоклассический синтез удачно выступил в качестве теоретической основы политико-регулятивной парадигмы, получившей название кейнсианско-рузвельтианский консенсус, доминировавшей около 40 лет вплоть до стагфляции 1970-х гг., и возвращение к которой попытался осуществить Дж. Байден в ходе своей «байденомики». Государственно-монополистический капитал, взросший на финансировании американской военной машины в годы Второй мировой войны, сосредоточенный в промышленно-производственных отраслях, естественным образом «одобрил» сложившуюся парадигму экономической теории. Она представляла адекватную для этого периода времени картину экономических взаимосвязей, все основные компоненты парадигмы и функции экономической теории удовлетворяли господствующий социально-политический слой.

Однако кризисные 1970-е гг., сопровождавшиеся началом промышленной деградации Америки и возвратом банковскому капиталу роли центра экономической власти, особенно после старта рейганомии с резким взлетом ставки рефинансирования ФРС и курса доллара, дискредитировали кейнсианско-рузвельтианский консенсус, вернули неоконсервативные и неолиберальные доктрины регулирования экономики, о разрушительном характере которых пророчески предупреждал Дж. К. Гэлбрейт (Galbraith, 1981). Глобализация на основе развития информационно-коммуникационных технологий содействовала упрочению власти офшорного банковского капитала и владельцам «информационного» капитала. Новому господствующему слою стала нужна «модернизированная» под изменившиеся реалии экономическая теория, и набор идей монетарного либерализма, дерегулирования (реальный экономический цикл), теории игр применительно к экономике заменил неокейнсианские идеи регулируемого государством экономического роста и неуклонного прогресса.

А исследовательская программа неоинституционализма с полным отказом от производственной тематики удачно перенесла онтологию и методологию науки в сферу радикально интенсифицированных в эпоху глобализма межличностных и межорганизационных контактов. Парадигма неоклассического синтеза устояла за счет инкорпорирования идей данных онтологически близких, но гносеологически отличающихся экономических школ.

Наконец, после финансового кризиса и Великой рецессии 2008—2009 гг. логика мирохозяйственного развития, завершив полный цикл американского доминирования, вышла на стартовый этап нового МХУ, характеризующегося технологическим обновлением производственного аппарата (цифровизация производства, Четвертая промышленная революция) и естественным возвратом протекционистского регулятивного режима в международные экономические отношения. Радикальное изменение экономического миропорядка или болезненное становление нового МХУ (пока неясно, можно ли его называть вслед за Дж. Арриги «азиатским», «интегральным» согласно С. Ю. Глазьеву, или позаимствовать у политологов название «многополярный») не может не привести в конечном итоге к смене парадигмы экономической теории.

В пользу данного тезиса говорит не только давно наблюдаемый кризис всех компонентов парадигмы, но и зримое формирование нового политико-экономического элитного слоя с претензией на лидерство, который мы предлагаем называть «индустриальные цифровики». Именно этот капитал социальных платформ и искусственного интеллекта (ИИ), осуществляющий в последние годы масштабную интервенцию в реальный сектор американской экономики с целью его возрождения, будет заинтересован в создании новой парадигмы экономической теории, в которой неизбежно будут переосмыслены многие онтологические и гносеологические компоненты старой. А пока индустриальные цифровики в команде Трампа пытаются перехватить у ФРС магический источник экономической власти, рассчитывая на криптовалюты, привязанные к доллару, как на часть своей стратегии по перестройке глобальной денежной системы (Varoufakis, 2025).

На уровне политико-экономических доктрин регулирования экономики (что соответствует идеологической и отчасти методологической компонентам парадигмы) уже происходят попытки перемен. Наиболее популярным является объяснение неизбежности смены парадигмы, понимаемой как совокупность целей экономической политики и ценностей экономического развития, которые некоторые авторы на Западе предпочитают называть «политико-экономическая парадигма». Под ней понимается доминирующая группа идей или «политические/экономические цели, аналитические/теоретические рамки для понимания функционирования экономики и общества, нарративы, описывающие и обосновывающие цели и аналитические рамки, а также экономическую и соци-

альную политику, основанную на аналитических рамках и направленную на достижение конкретных целей. Политико-экономические парадигмы могут оказывать мощное влияние на академические и медийные дискуссии, а также на институты, формирующие политику, как национальную, так и международную» (Laybourn-Langton, Jacobs, 2018, p. 113). В этом свете выделяют периоды господства парадигмы свободного рынка, затем кейнсианства, затем неолиберализма.

Мы уже рассмотрели попытку внедрения в общественную повестку США обновленной доктрины «экономики предложения» (Толкачев, Тепляков, 2025), если и входящей в расширенный мейнстрим, то занимающей в нем явное маргинальное положение, а также нового концептуального мема продуктивизма Д. Родрика (Толкачев, 2024а), который он предлагает называть не иначе как парадигма. Однако все указанные «политико-экономические» парадигмы укладываются в рамки широкого мейнстрима, поскольку не затрагивают глубокие мировоззренческие вопросы, скрывающиеся в онтологии и гносеологии. В данном случае сдвиг парадигмы обосновывается в основном изменениями идеологических компонентов на фоне жесточайшего провала неоклассических рецептов регулирования экономики, ставших уже привычным явлением на протяжении нескольких десятилетий. Однако по мере продолжения нынешнего мирохозяйственного кризиса, и, особенно, в случае его перехода в острую фазу аналогичную Великой депрессии 1930-х гг., следует ожидать интенсификации теоретических построений, претендующих на роль новой всеобъемлющей парадигмы.

По аналогии с логикой развития фаз предыдущих МХУ можно предположить, что появление новой общепризнанной парадигмы экономической теории должно состояться в начале фазы фритредерства мирохозяйственного развития и фазы транспортных технологий долгосрочного технологического развития. Прибегая к совсем уже формальной аналогии, напомним, что олицетворением классической парадигмы стала книга Дж. Ст. Милля 1848 г., неоклассической парадигмы — книга П. Самуэльсона 1948 г., а 2048 г. вполне соответствует началу прогнозируемого этапа фритредерства после завершения нынешнего этапа протекционизма, в ходе которого будут сформированы и очерчены контуры нового мирового экономического порядка.

Таким образом, переход к новому мирохозяйственному укладу одновременно прокладывает путь к постепенному формированию новых парадигмальных устоев экономической теории. Пока же в отсутствие всеобъемлющей теории как в широкое общественное сознание, так и в узкие экспертные круги вбрасываются новые доктринальные установки, отвечающие на ключевые экономические проблемы и претендующие на роль остова (основы) будущего возможного стройного теоретического здания. Новые доктринальные установки, дающие простое объяснение существую-

щих экономических неурядиц и предлагающие столь же простые рецепты перестройки экономической политики, представляют собой порой не более чем очередной идеологический мем, отражающий самые поверхностные этажи глубокой теоретической конструкции. Их появление становится возможным на фоне глубочайшего концептуального кризиса существующего расширенного мейнстрима экономической теории, скомпрометировавшего себя как на уровне базовых закономерностей, так и в области экономической политики.

Список литературы

- Ананьин, О. А. (2009). Экономическая теория: кризис парадигмы как кризис высшего профессионального образования). *Экономика образования*, 3, 35–50.
- Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: ИД «Территория будущего», 472 с.
- Балацкий, Е. В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки. *AlterEconomics*, 22(1), 6–21. doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2.
- Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к соционике. *Социальное пространство*, 8(4), 1–19. https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.2
- Бирюков, В. В. (2024). Поиск современной политико-экономической парадигмы и актуализация идей классической политической экономии. *Теоретическая экономика*, (12), 22–32. https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-12-22-32.
- Бузгалин, А. В., & Колганов, А. И. (1998). К критике еsonomics (теоретическое обоснование необходимости коррекции господствующей модели учебного курса по экономической теории). *Вопросы экономики*, 6, 87–107.
- Глазьев, С. Ю. (2016). Мировоззренческие уклады в глобальном экономическом развитии. *Экономика и математические методы*, 52(2), 3–29.
- Глазьев, С. Ю. (2016). О новой парадигме в экономической науке. *Государственное управление. Электронный вестник*, 56, 5–39. DOI: 10.24411/2070-1381-2016-00017.
- Гэлбрейт, Дж. (1986). *Жизнь в наше время. Воспоминания*. М.: Прогресс, 406 с.
- Колпаков, В. А. (2008). Экономическая теория в поисках новой парадигмы. *Знание. Понимание. Умение*, 1, 79–88.
- Мальцев, А. А. (2016). Гипотеза о техницистской истории экономической мысли. *Общественные науки и современность*, 5, 30–48.
- Мальцев, А. А. (2011). Кризис неоклассической ортодоксии или смена технологических укладов. *Журнал экономической теории*, 4, 111–122.
- Мельников, Н. М. (2012). Особенности влияния экономических кризисов на смену парадигм экономической теории. *Дискуссия*, 2, 67–71.
- Николаева, Е. Е. (2019). О новой парадигме экономической теории. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 1, 254–259.
- Нусратуллин, В. К. (2014). О необходимости новой парадигмы в развитии экономической теории. *Теоретическая экономика*, 23(5), 17–22.
- Полтерович, В. М. (1998). Кризис экономической теории. *Экономическая наука современной России*, (1), 46–66.
- Сухих, В. В. (2025). Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий. *AlterEconomics*, 22(1), 54–65. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5.

Татаркин, А. И., & Мальцев, А. А. (2016). Трансформация научного знания под воздействием экономических кризисов. *Журнал экономической теории*, 3, 12–27.

Толкачев, С. А. (2024а). Сдвиг парадигмы: заменит ли продуктивизм «вашигтонский консенсус»? *Мир новой экономики*, 18(3), 63–72. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-3-63-72>.

Толкачев, С. А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса. *AlterEconomics*, 22(1), 22–39. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3>.

Толкачев, С. А. (2024б). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus*, 22(3), 6–20. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20).

Толкачев, С. А., & Тепляков, А. Ю. (2025). «Новая» экономика предложения как политико-экономическая парадигма нового мирохозяйственного уклада. *Научные труды Вольного экономического общества*, 252(2), 83–104. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-83-104.

Худокормов, А. Г. (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс. *Вопросы политической экономики*, 1, 103–125. DOI: 10.5281/zenodo.4666161.

Шваб, К. (2016). *Четвертая промышленная революция*. Эксмо, 138 с.

Cass, O. (2024). What Economists Could Learn From George Costanza. *The New York Times*, December 23. <https://www.nytimes.com/2024/12/23/opinion/what-economists-could-learn-from-george-costanza.html>.

Casselman, B. (2025). Economists Are in the Wilderness. Can They Find a Way Back to Influence? *The New York Times*, January 10. <https://www.nytimes.com/2025/01/10/business/economy/economists-politics-trump.html>.

Deaton, A. (2016). Rethinking My Economics, IMF Finance and Development, March. <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2024/03/Symposium-Rethinking-Economics-Angus-Deaton>.

Galbraith, J. K. (1981). The Conservative Onslaught. *The New York Review of Books*. 27(21–22), 30–36.

Galbraith, J. K. (2021). What is economics? A policy discipline for the real world. *Real-World Economics Review*, 96, 67–81, <http://www.paecon.net/PAEReview/issue96/Galbraith96.pdf>.

Hanappi, H. (2024). Culture — The elephant in the room: Meticulous analysis, grandiose synthesis and their oscillations. *Real-World Economics Review*, 109, 2–17. <http://www.paecon.net/PAEReview/issue109/Hanappi109>.

Heise, A. (2024). New Economics, paradigm shifts and the lack of philosophical foundations in economics or: Is the future of economics heterodox? *ZÖSS Discussion Paper. 112. University of Hamburg, Centre for Economic and Sociological Studies*. <https://hdl.handle.net/10419/305296>.

Laybourn-Langton, L., & Jacobs, M. (2018). Paradigm shifts in economic theory and policy. *Intereconomics*, 53(3), 113–118.

Mirowski, Ph. (1984). Physics and the «marginalist revolution». *Cambridge Journal of Economics*. 8, 361–379.

Pasinetti, L. (2007). *Keynes and the Cambridge Keynesians: A “Revolution in Economics” to be Accomplished*. UK: Cambridge University Press, 384 p.

Perez, C. (2010). Technological revolutions and techno-economic paradigms. *Cambridge Journal of Economics*, 34(1), 185–202.

Raworth, K. (2017). *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*. London: Random House Business, 384 p.

Raworth, K. A. (2024). New Compass for Economics. *Finance & Development*, March. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/03/Point-of-view-a-new-compass-for-economics-Kate-Raworth>.

Raworth, K. A. (2012). Safe and Just Space for Humanity: Can We Live Within the Doughnut? *Oxfam Discussion Paper*, February, 1–25. https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/dp-a-safe-and-just-space-for-humanity-130212-en_5.pdf.

Reati, A. (2011). Power Relations and Economic Paradigms, or Why Post-Keynesian Theory Is Not Dominant. *Review of Radical Political Economics*, 43(3), 361–372. DOI: 10.1177/0486613410395898.

Rodrik, D. (2024). Addressing Challenges of a New Era. *Finance and Development*, March. <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/03/Point-of-view-addressing-challenges-of-a-new-era-Dani-Rodrick>.

Skene, K. R. (2022). How can economics contribute to environmental and social sustainability? The significance of systems theory and the embedded economy. *Frontiers in Sustainability*, 3, Article 980583. <https://doi.org/10.3389/frsus.2022.980583>.

Varoufakis, Y. (2025) Trump Wants Big Tech to Own the Dollar. *Project Syndicate*, May 29. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-wants-private-stablecoins-to-replace-dollar-by-yanis-varoufakis-2025-05>.

Wilson, D. S., & Snower, D. J. (2024). Rethinking the theoretical foundation of economics I: The multilevel paradigm. *Economics E-Journal*, 18(1), 1–18. https://www.researchgate.net/publication/378394978_Rethinking_the_Theoretical_Foundation_of_Economics_I_The_Multilevel_Paradigm.

References

Ananyin, O. A. (2009). Economic Theory: Crisis of the Paradigm as a Crisis of Higher Professional Education. *Ekonomika obrazovaniya*, 3, 35–50. (In Russ.)

Arrighi, J. (2006). *The long twentieth century. Money, power and the origins of our time*. M.: ID ‘Territory of the Future’, 472 p.

Balatsky, E. V. (2022). New imperatives of economic knowledge: towards socionomics. *Sotsial'noye prostranstvo*, 8(4), 1–19. (In Russ.). DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2.

Balatsky, E. V. (2025). On the eve of a new paradigm of economic science. *AlterEconomics*, 22(1), 6–21. (In Russ.). doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2.

Biryukov, V. V. (2024). The Search for a Modern Political-Economic Paradigm and the Actualization of the Ideas of Classical Political Economy. *Teoreticheskaya ekonomika*, 120(12), 22–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-12-22-32>.

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (1998). Towards a Critique of Economics (Theoretical Justification of the Need to Correct the Dominant Model of the Academic Course on Economic Theory). *Voprosy Ekonomiki*, 6, 87–107. (In Russ.).

Galbraith, J. (1986). *Life in Our Time: A Memoir*. M.: Progress, 406 p.

Glazyev, S. Yu. (2016a). On the new paradigm in economic science. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 56, 5–39. (In Russ.). DOI: 10.24411/2070-1381-2016-00017.

Glazyev, S. Yu. (2016b). World economic structures in global economic development. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, 52(2), 3–29. (In Russ.).

Khudokormov, A. G. (2021). New data on the “third crisis” of economics. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 1, 103–125. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.4666161.

Kolpakov, V. A. (2008). Economic Theory in Search of a New Paradigm. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 1, 79–88. (In Russ.).

Maltsev, A. A. (2016). Hypothesis on the Technicist History of Economic Thought. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 5, 30–48. (In Russ.).

Maltsev, A. A. (2011). The crisis of neoclassical orthodoxy or the change of technological patterns. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 4, 111–122. (In Russ.).

Melnikov, H. M. (2012). Features of the influence of economic crises on the change of paradigms of economic theory. *Diskussiya*, 2, 67–71. (In Russ.).

Nikolaeva, E. E. (2019). On the new paradigm of economic theory. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye*, 1, 254–259. (In Russ.).

Nusratullin, V. K. (2014). On the need for a new paradigm in the development of economic theory. *Teoreticheskaya ekonomika*, 23(5), 17–22. (In Russ.).

Polterovich, V. M. (1998). The crisis of economic theory. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 1, 46–66. (In Russ.).

Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. M.: Eksmo, 138 p.

Sukhikh, V. V. (2025). Digital Revolution, the Crisis of Economic Theory, and the Return of Utopias. *AlterEconomics*, 22(1), 54–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5>.

Tatarkin, A. I., & Maltsev, A. A. (2016). Transformation of scientific knowledge under the influence of economic crises. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 3, 12–27. (In Russ.).

Tolkachev, S. A. (2025). Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis. *AlterEconomics*, 22(1), 22–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3>.

Tolkachev, S. A. (2024a). Paradigm Shift: Will Productivism Replace the “Washington Consensus”? *Mir novoy ekonomiki*, 18(3), 63–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-3-63-72>.

Tolkachev, S. A. (2024b). The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy. *Terra Economicus*, 22(3), 6–20. (In Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20).

Tolkachev, S. A., & Teplyakov, A. Yu. (2025). “New” supply-side economics as a political and economic paradigm of the new world economic order. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*, 252(2), 83–104. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2025-252-2-83-104.